

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич — д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; oleg.yanitsky@yandex.ru)

ИДЕОЛОГИЯ И СЕТЬ

Аннотация. В статье автор рассматривает ключевые проблемы взаимодействия между радикальной идеологией и принципами организации террористической сети в условиях растущей угрозы террористических атак. Основные темы статьи: понятие общества всепроникающего риска, принципы и формы сетевой войны, специфика современных террористических атак, парадокс слабости силы, представления о том, как современное общество и рядовые граждане могут противостоять терроризму, какие изменения нужны в методах и структуре социологического исследования.

Ключевые слова: всепроникающий риск, идеология, обычные граждане (обыватели), сетевые войны, терроризм

Каждый раз после очередной террористической атаки или конфликта со смертельным исходом, повлекших гибель десятков или сотен невинных людей, мир взрывается потоком дебатов. Но это дебаты *a posteriori*. Как правило, на этих публичных площадках обсуждаются известные вопросы: кто виноват, кто с кем и против кого, что теперь делать и т.п. Дискуссии касаются в основном глобальных и региональных проблем (к примеру, популярное ТВ-шоу «Право голоса» на канале ТВЦ). Гораздо реже или почти никогда (я отслеживаю эту и подобные передачи с середины 2014 г.) не обсуждается связка «идея — сеть — террористический акт», т.е. связь идеологического обоснования или оправдания того или иного вмешательства одной стороны (державы, их альянса или же никем не признанного радикального движения) в дела других стран или регионов и конкретного инструментария этого вмешательства (военного, экономического или иного). Кроме того, и западная, и российская публика привыкла к тому, что массовые опросы все им объяснят, а СМИ расскажут, как надо себя вести в критических обстоятельствах. Поэтому даже массовый наплыв мигрантов из Африки и стран Ближнего Востока жители Парижа и других европейских городов поначалу восприняли без энтузиазма, но относительно спокойно. Обыватели привыкли жить в настоящем, не слишком задумываясь о радикальных переменах в современном мире. Отрезвление пришло несколько позже.

Между тем идеология и структуры коллективного или индивидуального радикального социального действия тесно связаны. Напомню, что идея достижения «светлого коммунистического будущего» и ей подобные всегда сопровождалась конкретной целью: разрушить до основания старый мир далеко не мирными средствами. Инструмент разрушения — социальные сети — всегда широко использовались, достаточно вспомнить историю революционно-демократического движения России в XIX в. И сегодня не важно, какая именно технология для этого применялась: проводники, проповедники, миссионеры, странники, просто тайные агенты или, как сегодня, террористическая сеть, существующая до поры до времени в мирном обличье.

Что такое террористическая атака в общем виде? Во-первых, это всепроникающий риск, ибо нет ни фронта, ни тыла. Во-вторых, этот риск почти всегда непредсказуем или предсказуем в общем виде (например, «ожидаются акты терроризма», но где и когда именно, никто сказать не может). Эти атаки осуществляются малыми мобильными или же, напротив, глубоко укорененными в местной социальной среде группами или одиночками. Фактически эти атаки — новая форма *guerilla*, скрытой городской партизанской войны. В-третьих, акции — удар по людям, среде их обитания, по коммуникациям жизнеобеспечения. В-четвертых, эти атаки рассчитаны на медийный мультиплицирующий эффект:

террористы, нанеся удар по десятку людей, повергают в панику сотни и тысячи. В-пятых, эти атаки эффективны в условиях массового общества, когда массы людей скапливаются в аэровокзалах и станциях метро, на стадионах и концертных площадках. В-шестых, это «мгновенная война» с длительным поражающим эффектом. Пока что ответ на нее — либо военное или чрезвычайное положение, либо акции массовой солидарности. Но сегодня массовые действия типа «возьмемся за руки, друзья» уходят в прошлое. В-седьмых, массовый террор — это война «здесь и сейчас». Поэтому нужны как немедленный ответ на нее, так и долгосрочные прогнозы. Но социальное прогнозирование как наука у нас почти исчезло.

И наконец, каковы должны быть стратегия и тактика ответа на этот вызов? В доступной мне литературе я не нашел ответа. Его нет, потому что у власти и общества нет запроса на подобные исследования, а значит нет и их долгосрочного финансирования. Нет пока ответа и на другой вопрос: возможны ли в принципе «точечные» ответные удары на сетевую стратегию террористических атак? Да, Россия реально участвует в борьбе против террористов в Сирии. Но это означает, что наша страна — один из первых кандидатов на ответные удары.

Радикальная или террористическая сеть не возникает сама по себе — она обязательно связана с какой-то конкретной глобальной идеей, касающейся изменения существующего социального порядка, трансформации его в более «справедливый», или же с имперской идеей. Иными словами, идея коренного изменения существующего социального порядка обычно связана с ситуацией личного или национального унижения, с недостатком «жизненного пространства» или основывается на чисто конфессиональных мотивах (идея превосходства данной религиозной догмы над всеми остальными). Как только этот механизм запускается, он становится самонаводящимся: растущее население, особенно молодежь, требует большего жизненного пространства и ресурсов, что обеспечивается ростом военной силы и научно-технологического развития и т.д. Между концепцией естественного хода исторического процесса и желанием сконструировать или ускорить его — очень тонкая грань, что в свое время продемонстрировал миру К. Маркс.

У создателей современных сетей любого масштаба помимо материальных интересов всегда есть естественное стремление к господству над остальными, неважно в какой форме оно проявляется — идеологической, социальной или психологической. Это только кажется, что Всемирная паутина — всеобщее и исключительное благо. Весь вопрос в том, кто, как и в каких целях ее использует. Как давно показали западные социологи [Arsenalt, Castells 2008], современные медиа легко управляются поворотом всего двух ключей: перенаправлением потока информации и его перепрограммированием.

Расширение рынка или завоевание новой аудитории (это тоже рынок) — очень сильный мотив успеха, а без идеи никакой успех недостижим. Поэтому периодически идея достижения «общего блага» (всеобщего благоденствия) превращается в инструмент разделения по принципу «свой — чужой», т.к. такая селекция тоже есть инструмент последующего успеха и дальнейшей территориальной экспансии.

Теперь о главном парадоксе глобализации. Сила слабости, вот как он называется! Удивительно, что технологическая революция, создав немислимо мощные силы управления и самоуничтожения, создала и человека, который, действуя в одиночку, может не только рассорить ближайших союзников, но и уничтожить все живое на планете. Вспомним, сколько неприятностей принесли разоблачения Э. Сноудена, вскрывшего факты прослушки тайными службами США переговоров между своими союзниками по НАТО. Пока самоуправляющееся общество роботов остается фантастикой, оказывается, что современный обра-

зованный и технически экипированный индивид – не только «вершина мироздания», но и главный источник всепроникающих рисков для общества. Вслед за моими западными коллегами я не устаю повторять, что мир вошел в фазу всеобщего риска [Beck 1992, 1999; Yanitsky 2000]. И что, с одной стороны, это риск накопленных в нескольких странах ядерных и других смертоносных арсеналов, а с другой – это человек-монстр, часто «очень маленький» человек, но, если он вооружен радикальной идеологией и доступом к современным технологиям, это делает его и сеть его сторонников потенциально смертельно опасными для остального мира.

Так ли это? Разберемся детально. В чем суть этой сетевой опасности? В том, что она в любой момент и в любое время может взорвать мирную жизнь обывателей и разрушить среду их жизнеобеспечения. Это, в свою очередь, может вызвать выброс вредных веществ в воду и атмосферу, начиная с тех, что ухудшают здоровье и нарушают привычный ритм жизни, и заканчивая теми, что приносят увечья и летальный исход. Как отвечать на эти вызовы сетевой опасности? Общество уже придумало средства самозащиты от этой опасности, но ни одно из них не гарантирует стопроцентной защиты. (Например, широко практикуемое сегодня уничтожение ресурсной базы смертников – бомбардировки бензовозов, складов оружия и боеприпасов и т.д.) Но война «там» не гарантирует безопасности «здесь», в конкретных городах и районах Европы или России. Далее, те, кто «здесь» (что хорошо показал печальный опыт терактов в Париже и Брюсселе), уже запаслись поясами шахидов и другими средствами нападения на мирных граждан. К тому же среди местного населения всегда есть не только сочувствующие террористам, но и готовые снабжать их оружием. Да, перекрытие каналов поставки ресурсов или уничтожение их «там», на месте – важное средство борьбы с терроризмом, но, как оказалось, эти поставки – существенная часть бизнеса, который ведут некоторые страны, которые числятся формально борющимися с терроризмом. Наконец, деятельность миссионеров, и в особенности проповедников радикальных идеологий, очень сложно отследить и, тем более, прекратить.

Вопрос, как же обыватели Парижа жили рядом с шахидами и ничего не знали о них? Как постепенно выясняется, знали, но думали, что как-то пронесет. Знали, но занимались своими делами, полагая, что тот благополучный уклад жизни, который сложился до них, будет существовать всегда. Знали, но боялись. Наконец, знали, но это были их братья по вере. Государство и его силовые структуры, конечно, приняли экстренные меры безопасности. Но это традиционные меры ужесточения и рассредоточения городской жизни: не скапливаться, не посещать на время чрезвычайной ситуации массовые мероприятия, подчиняться указаниям полиции и т.п. И потом, нельзя же остановить жизнь большого города надолго. С другой стороны, возникает реальный риск другого рода – «соскользнуть» в атмосферу всеобщего недоверия и слежки. Этот риск сохраняется и у нас. Вообще мы пока что как-то плохо осознаем, что современная сетевая война – это, прежде всего, война против жителей больших городов. А. Тоффлер в свое время сказал, что мир превращается в большую деревню. Это вдвойне не так. Во-первых, города остались центрами мировой политики и экономики. А во-вторых, современную ситуацию во многом породил выброс «энергии распада» [Яницкий 2003] из городов Ирака, Сирии и Ливана, разрушенных во время войн против них. Эта «энергия» – не только беженцы и вынужденные переселенцы, но также экспансия радикальных идеологий.

Можно ли одновременно сохранить *privacy* и наладить коллективную оборону от сетевых угроз? Общие принципы этой обороны хорошо известны. Прежде всего, это ограничение и строгий контроль над всеми людскими пото-

ками, особенно в местах их прибытия или транзита (мигрантов, беженцев, гастарбайтеров, туристов, деловых людей и т.д.). Плюс периодические массовые проверки. Затем, это контроль над всеми формами сдачи в наем жилых и гражданских помещений и промышленных зданий. Особый контроль нужен за заброшенными (нежилыми) помещениями любого типа. Об агентурной сети внутри террористических организаций и тех, кто им помогает или сочувствует, здесь речь не идет — это функция специальных силовых структур. А вот быстрая и эффективная обратная связь граждан с полицией абсолютно необходима. Как показали первые минуты террористической атаки в Париже, такой связи не было, или полиция не была сориентирована. От граждан также требуется «бытовая» бдительность (ее еще именуют селективной): пускать к себе в дом только хорошо знакомых людей, никаких случайных знакомств. О подозрительных людях и оставленных предметах необходимо сообщать в соответствующие инстанции и т.д. Так что общий ответ на террористические атаки должен быть одновременно асимметричным (война против них «там») и симметричным (сеть против сети «здесь»).

В отличие от США, в Европе смертная казнь запрещена, а в России на нее наложен мораторий. Есть призывы к ее возобновлению, но в данном случае это не поможет, поскольку шахиды и есть смертники, а призывы к тотальному уничтожению иноверцев — это уже настоящий геноцид. Однако вопросы остаются: если всех террористов уничтожить, то как изучать глубинные мотивы их поведения? Как готовить общество к этой новой реальности? Телевидение полно фильмами об уголовных преступлениях, есть каналы, которые ежедневно нам твердят, что мир обязательно постигнет вселенская катастрофа (потепление, похолодание, удар метеорита и т.д.). Телеэкран полон гадалок и предсказателей, а вот об этой, уже реально существующей опасности только *'breaking news'* (срочные новости) и скупые строки об уничтожении очередной террористической группы. Социальные сети или тиражируют ужасы, или являются средством сбросить накопившееся раздражение. Телевизор и социальные сети должны не столько устрашать, но прежде всего предупреждать и мобилизовать. Ведь социальная сеть — мощный антидот. В дни террористической атаки в Париже в ноябре прошлого года в Твиттере появилось специальное приложение, позволяющее быстро проверить, все ли в порядке с родными и близкими пострадавшими.

Терроризм — это глобально-локальная проблема. Значит, надо одновременно изучать ее общие закономерности и местную специфику. Ветераны американских спецслужб по борьбе с терроризмом утверждают, что борьба прежде всего должна вестись с радикальной идеологией [Gill, Horgan, Deckert 2013]. Это, несомненно, так, но эта идеология постоянно воспроизводится угнетением, унижением, социальным неравенством, превращением молодежи развивающихся стран в людей второго сорта или просто в лузеров. Современный капитализм, возвышая одних, принижает и угнетает других, тем самым выступая в роли производителя современных рисков. Какую позитивную идеологию в этом случае можно предложить молодым радикалам там и здесь? И шире: какую идеологию можно противопоставить идеологии смертников, тем более если она обусловлена религиозными мотивами? Каков реальный выбор у сотен тысяч молодых людей Африки и Арабского Востока: жить в лагерях беженцев, этнических гетто больших европейских городов или браться за оружие?

А какой выбор есть у российской молодежи из малых городов и сел в условиях кризиса? Разрыв между ТВ-картинкой и реальной жизнью нарастает. Некоторые российские ученые полагают, что для современной молодежи характерны негативная идентичность, аномальный эгоцентризм, деперсонализация и т.д. «Сетевая

реальность подтачивает личность, делает ее анонимной, порождает квазиличность... у нее, как правило, не развита персональная ответственность». Если у нее к тому же теряется самоидентифицированность, устойчивая самооценка и самопонимание [Майкова, Бондарева 2015: 23], то такая личность просто находка для проповедников радикализма и терроризма. Поэтому несколько странным является последующий вывод о том, что автономность личности «задает безопасный путь ориентации в лабиринтах социального бытия» [Майкова, Бондарева 2015: 25]. Этот вывод как раз противоречит предыдущему пассажи. К тому же специфика современного сетевого общества заключается в том, что автономность и коллективность — две равнозначные предпосылки снижения риска быть подвергнутыми террористической атаке.

Ключевой для нас вопрос: какая идеология — не как перечень догматов, а как «руководство к действию» — может противостоять идеологии смертников? И какая, соответственно, сеть людей, желающих жить, может противостоять сети самоубийц и смертников? Или иначе: безопасность граждан — это исключительно обязанность государства и его силовых структур, или же гражданское общество должно участвовать в этом деле? И если последнее верно, то каким должен быть тип гражданской самоорганизации? Отсюда последний вопрос: какой должна быть реакция гражданского общества на угрозу террористических атак? Если эти атаки суть разновидность войны, объявленной террористами остальному миру, а я считаю, что это действительно война, а как ее называть — гибридной или сетевой — вопрос второстепенный, то гражданское общество должно быть к ней готово.

При всем различии гражданского общества в России и в Европе у них сегодня есть много общего. Главное — это расслабленность богатого меньшинства, уверенного в своей силе, и напряженность беднеющего большинства, озабоченного повседневным выживанием. Между ними есть некий «средний класс», который также находится в расслабленном состоянии, вызванном влиянием идеологии и практики общества потребления. Обыватели и там, и здесь привыкли к феномену «диванных войн». Однако с наступлением критической ситуации настроение людей быстро меняется. Поэтому гражданское общество должно вспомнить, что такое гражданская оборона. Службы чрезвычайных ситуаций с террористическими атаками без граждан не могут справиться. Не надо бояться термина «мобилизация» — это лишь естественная реакция любого организма на угрозу со стороны или изнутри. В ситуации сетевой войны нет ни фронта, ни тыла, нет даже мест, которые могли бы определенно считаться более или менее безопасными, нет, наконец, привычной для традиционного сознания оппозиции «мы — они». Всепроникающий риск сетевой войны должен иметь адекватный ответ. А сетевая мобилизация местных сил самообороны есть современная форма самоорганизации гражданского общества.

За последние полвека социология рисков и других асоциальных процессов сильно продвинулась, но все же тематика войн и вооруженных конфликтов остается на периферии этой науки. Столпы современной социологии рассматривают войны и конфликты как «побочные эффекты» позитивной динамики глобализирующегося мира. На мой взгляд, эти разрушительные процессы должны переместиться в центр науки и междисциплинарного анализа. Терроризм — не только разрушительное социальное действие, но идеологический инструмент завоевания и утверждения мирового господства. Пока этот факт не осознается представителями науки. Если, например, посмотреть ведущие западные профильные журналы, то интереса к анализу военных конфликтов и критических состояний обществ не наблюдается. Вот свежий номер весьма содержательного междисциплинарного журнала *Infrastructure Complexity*. Очень интересные ста-

ты, но нет ни одной, посвященной инфраструктурным рискам и катастрофам. Похожая картина и в отечественных журналах. Да, похоже, как и 200 лет назад, «оборонеспособное государство может стать российским национальным брендом» [Данилова, Щербинин 2015]. Но разве дело только в бренде и рейтингах? Как я постарался показать, если позитивные и негативные процессы в обществе изучаются совместно, то это существенно меняет саму методологию исследования [Яницкий 2013; 2015]. Социология, как и другие науки, изучающие современные структуры и процессы в обществе, бессильны без понимания их идеологической подоплеки.

Наконец, о методах социологии. У нас общественное мнение привыкло, что социология – это массовые опросы. Они необходимы для самопознания общества, но для выработки инструментария борьбы с терроризмом мало что дают. Да, крайне опасно изучать эти сети «напрямую», но можно исследовать коррупционные и другие асоциальные сети. Необходимо также изучать опыт журналистов и всех тех, кто работает в «горячих точках». Надо познавать опыт тех, кто работает «на той стороне». Надо глубже изучать методы вербовки и работы сектантских и других закрытых организаций, потому что эти методы во многом схожи с криминальными. Журналисты и криминальные репортеры – наиболее близкие к нам профессионалы. Напомню, что знаменитая чикагская школа городской социологии была во многом создана такими репортерами (дословно *muckrakers*, т.е. разгребатели грязи). Терроризм – это не отдельная дисциплина, а насущная идеологическая и социальная проблема, требующая системного подхода. Например, безработица, отсутствие легальных средств существования – стимул к поиску нелегальных/теневых/криминальных источников дохода. В условиях кризиса и, тем более, критических состояний общества работодатель стремится к экономии издержек производства, переводя часть занятых в разряд не полностью занятых, фрилансеров, «вынужденных отпускников» и т.п., тем самым подталкивая людей к поиску левых источников дохода. Наконец, в любом обществе есть категория принципиальных иждивенцев или нахлебников.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 15-03-000-27, проект «Социология критических состояний городских систем: теория и практика».

Список литературы

Данилова Е.А., Щербинин А.И. 2015. Позиционирование инновационной политики в российской оборонной отрасли в контексте формирования стратегии национального брендинга. – *Власть*. № 8. С. 39-43.

Майкова Э.Ю., Бондарева Я.В. 2015. Будущее автономии личности как риск: способы самозащиты. – *Власть*. № 8. С. 22-26.

Яницкий О.Н. 2003. *Социология риска*. М.: LVS.

Яницкий О.Н. 2013. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. – *Официальный сайт ИС РАН*. 2014. Доступ: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2794>

Яницкий О.Н. 2015. Критические состояния среды обитания. – *Политические исследования*. № 5. С. 145-159.

Arsenalt A., Castells M. 2008. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. – *International Sociology*. Vol. 23. No 4. P. 488-513.

Beck U. 1992. *Risk Society. Toward a New Modernity*. London: SAGE.

Beck U. 1999. *World Risk Society*. Malden, MA: Polity Press.

Gill P., Horgan J., Deckert P. 2013. Bombing Alone: Tracing the Motivations and Antecedent Behaviors of Lone-Actor Terrorists. — *Journal of Forensic Sciences (on-line)*. Vol. 59. No 2. P. 425–435.

Yanitsky O. 2000. Sustainability and Risk: The Case of Russia. — *Innovation: The European Journal of Social Sciences*. Vol. 13. No 3. P. 265–277.

YANITSKIY Oleg Nikolaevich, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Chief Researcher of the Institute of Sociology, RAS (24/35 bld. 5 Krzhizhanovskogo St., Moscow, Russia, 117218; oleg.yanitsky@yandex.ru)

IDEOLOGY AND NETWORK

Abstract. Under condition of growing threat of terrorism, the author poses and discusses some key issues of the relationships between the radical ideology and terrorists' networks. The main topics of the article are the notion of the state of all-penetrating risk, the principles and forms of network wars, specificity of modern terrorist attacks, a paradox of 'strength of weakness', how modern society and citizens can confront terrorism, and changes which are urgently needed in the current method and structure of sociological knowledge.

Keywords: ideology, ordinary people, network wars, all-penetrating risk, sociology, terrorism

УДК 141.32

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна — к.и.н., доцент; проректор по научной работе, заведующий кафедрой психологии и философии факультета управления и социальных коммуникаций Тверского государственного технического университета (170026, Россия, г. Тверь, наб. А. Никитина, 22; pif1997@mail.ru)

МАЙКОВА Элеонора Юрьевна — к.и.н., доцент; проректор по учебно-воспитательной работе, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий факультета управления и социальных коммуникаций Тверского государственного технического университета (170026, Россия, г. Тверь, наб. А. Никитина, 22; maykova@yandex.ru)

КОЗЛОВ Андрей Геннадьевич — аспирант кафедры психологии и философии факультета управления и социальных коммуникаций Тверского государственного технического университета (170026, Россия, г. Тверь, наб. А. Никитина, 22; pif1997@mail.ru)

ПРИВАТНОСТЬ В ЭПОХУ ВОВЛЕЧЕННОСТИ

Аннотация. В статье раскрывается междисциплинарное (юридическое, социально-политическое, социологическое, психологическое) содержание понятия «приватность», а также роль феномена приватности в социальной жизнедеятельности и в конституировании личностного способа бытия. В современной ситуации социальной вовлеченности личное пространство трансформируется, сужаются границы приватности, частной жизни, утрачивается автономный статус личности. Современные информационные технологии, сетевое пространство инициируют эти процессы. Раскрываются личностные аспекты конституирования модальности приватности в социальной жизни.

Ключевые слова: приватность, автономия личности, эпоха вовлеченности

Современная социальная жизнь характеризуется вовлеченностью, иницирующей внешнюю для личности, навязанную социальную интегрированность, вмешательство в личное пространство, частную жизнь, сужение границ приватности. Приватность как феномен личностного бытия социальной жизни не занимает достойного места. З. Бауман в самом понятии *modernity* усматривает механизм редуцирования приватности, автономности, частной жизни. Объясняется это тем, что в условиях технократического общества социальная